

УДК: 72.036

ББК: 85.110

А43

DOI: 10.18688/aa188-6-57

Ю. П. Волчок

Супрематическая архитектура: стремление к совершенству. Возвращение к началам

Современное миропонимание все более опирается на закономерности нелинейного (отсюда — неочевидного, т. е. не лежащего на поверхности) восприятия мироустройства. При этом центральным для осмысления механизмов устройства его целостности становится диалог художественного образа и интеллектуальной идеи, сосредоточенный на обретении подлинно нового в процессе творчества. В этой связи закономерно внимание к возможностям супрематического подхода к творчеству, понимаемого как стремление к совершенству. В первую очередь нас должно заинтересовать, как автор супрематизма К. С. Малевич выстраивал объемно-пространственную конструкцию своей трактовки супрематизма — полноценно содержательной целостности, с очевидностью (для него) прочитываемой во всех ее плоскостных проекциях.

Целесообразность возвращения к разговору о возможностях уже устоявшегося в философии и гуманитарной науке понимания «топологии пути» к обретению супрематически организованного Нового в творчестве [17] обостряется очевидными кризисными проявлениями в современной отечественной архитектуре. Видя их в основном в недостатках законообеспечения, экономических и социальных издержках, предпринимаются активные попытки вырваться за «контуры» сложившейся ситуации. Полагая целесообразность всех этих усилий, надо зафиксировать внимание и на том, что концептуально они (эти попытки) не затрагивают, на взгляд автора, определяющее значение главной проблемы творческой профессии (таковой видит себя архитектура), так как не только не пытаются найти пути выхода за пределы мировосприятия в границах «догоняющего развития», а, наоборот, закрепляют ситуацию вторичности, что для полноценного творчества губительно, так как в лучшем случае оставляют возможность работать «в стилях». Если все-таки попытаться вернуть разговор о творчестве в архитектуре к своей первозданной подлинности, т. е. обретению полноты тех ценностей, которых только и достойна профессия, имеет смысл преодолеть «перегрузки повседневности» и сосредоточиться на осмыслении того, как формируются или, точнее, формировались во времени подлинные ценности, адекватные наряду с этим и современности.

Согласно курсу общей истории хронологически нижняя граница Новейшего времени зафиксирована 1914 г., т. е. отсылает нас к культурологическому осмыслению ситуации, сложившейся в начале прошлого века. Именно на период 1913–1915 гг. и приходится

формирование супрематических идей. Решающе важно для осмысления сегодняшнего уровня миропонимания в архитектуре, т. е. сложившейся в профессии ситуации, реконструировать общую картину тех мироощущений и реальных обретений науки, что сформировали атмосферу «непосредственного знания» [1], в которой взросли интуиции автора супрематизма.

Столетие многих событий, происходивших в те годы, в наше время стало уже привычным отмечать юбилеями... Выбор юбилейных дат определяется в основном гуманитарными предпочтениями наших дней. И здесь скрыт ключевой водораздел между мировосприятием «повседневности» и миропониманием, которое сформировало фундаментальные и, как это неудивительно, достаточно устойчивые, хотя внешне и неброские, представления, определяющие «стержневые» (сквозные) тенденции в движении содержания, вкладываемого в понятие «современная архитектура».

Глобальность кризиса в архитектуре наших дней именно в тех противоречиях, которые копятя на «внешнем контуре» профессионализма, где предпринимаются всегда тщетные по большому счету попытки вырваться из «объятий недовольства происходящим» и тем пониманием подлинного профессионализма, которое позволило в свое время атрибутировать архитектуру как современную, т. е. архитектуру адекватную, а лучше — олицетворяющую свое время. Обсуждая проблемы кризиса архитектуры в условиях нашей повседневности, уместно вернуться к осмыслению проблематики кризиса универсальных оснований архитектурного профессионализма. Тем более что можно сослаться на методологически приемлемый в нашем случае исторический прецедент. Я имею ввиду широко известный в науковедении кризис Гильбертовых «оснований математики» [9].

В логике нашего разговора о поисках первопричин кризисных ситуаций и путей, по которым можно попытаться преодолеть их (выбраться из них), имеет смысл углубиться в проблему, исходя из общности миро- и пространствопонимания (по П. А. Флоренскому) в архитектуре и математике. Фундамент для такого методологически корректного сближения заложен в работах Вильгельма Виндельбанда, хорошо известных в России уже в начале прошлого века именно как целостное знание [4; 5; 6; 7].

Виндельбанд выстроил основание современной науки о ценностях. Разумеется, в дальнейшем на нем выросло весьма «ветвистое дерево» аксиологической науки. Но для нашего разговора важнее акцентировать внимание на «корнях» и самых ранних ростках будущего в устройстве знания, заинтересованного в первую очередь в дальнейшей «жизни и судьбе» архитектуры. Виндельбанд делил историческое (гуманитарное) знание и естественно-научное не по предметному, а по методологическому принципу. Одни науки ориентируются на осмысление индивидуальности факта, другие — на выявление сопряжений, формирующих закономерности той или иной деятельности.

Вслед за тем необходимо подчеркнуть, какое место он уделял пониманию сути математики и ее роли в современном ему мировоззрении. Математика не просто способна к анализу и синтезу, но и методологически сводит их воедино. По этой причине Виндельбанд обращает внимание на роль художественности, интуиции в строго логических построениях математики. В этом контексте уместна широко известная фраза-афоризм, у различных версий которой теперь достаточно много «авторов»: «У него (студента,

аспиранта и др.) не хватило мощи интуиции, и поэтому он не стал математиком. Он стал поэтом» [20].

Под таким углом зрения Виндельбанд написал свое понимание биографии и судьбы Канта. И здесь бросаются в глаза два сюжета, необходимые для погружения в «тайны» современной архитектуры, которые стоит выделить в первую очередь. Почему это так важно? Потому что своей жизненной, повседневной реальностью они могут способствовать сближению архитектуры, философии и математики, выявлению их архитектурно-математической общности.

Виндельбанд приводит ключевую фразу Канта для понимания его архитектуроцентричности: «Дайте мне материю, и я **построю** из нее мир» (выделено мною. — Ю. В.). Акцентируемое действие здесь — «построю»... [12, с. 126]. Многие проблемы, сформировавшие сегодняшнее положение дел в архитектуре (равно как в проектной творчестве, так и в архитектурной науке), уходят в XX век. Но правильнее не столько винить наследие прошедшего столетия в современных трудностях, сколько осознавать и свои (наши) долги перед ним. В частности, говоря о проблемах науки об архитектуре сегодня, нельзя не обратиться и к тому, что дало наследие И. Канта и как оно воспитывало в значительной мере методологические основы конструирования во времени всего здания гуманитарной науки, и в том числе углубления знания об архитектуре в нашей стране.

Сошлюсь здесь только на один, но безоговорочно красноречивый опыт из жизни и судьбы В. Ф. Асмуса, который в своем завещании, напомним, просил проводить его в последний путь с портретом Канта в руках. В контексте разговора, ограниченного рамками данной статьи, в первую очередь интересна работа Асмуса «Проблема интуиции в философии и математике» [1]. Она представляется знаковой для реконструкции жизни во времени «теории строения» супрематического подхода к творчеству:

- Асмус уточняет (в подзаголовке), что он рассматривает проблему в трехсотлетней развертке во времени («Очерки истории XVII — начала XX в.»);
- книга выходит в свет в 1963 г. в московском издательстве «Соцэкгиз». Здесь уместно вспомнить интересный для нас «финал» истории издательства социально-экономической литературы, которое в том же 1963 г. было реорганизовано (расширив его за счет привлечения Географгиза) в издательство «Мысль». Таким образом, книга Асмуса оказалась как бы на переломе миропонимания своего времени. (Второе издание, практически повторяющее первое, в 1965 г. вышло под грифом издательства «Мысль».);
- не менее важно для этого разговора, что именно в начале 1960-х гг. формируются истоки современной нам архитектуры. Массовый интерес к наследию эпохи «оттепели» в наши дни вбирает в себя внимание и к наследию архитектуры. Однако наряду с этим необходимо воссоздать и то, как происходила в те годы «реставрация» архитектурной «ткани», из которой можно было продолжить возведение «здания» супрематического подхода к творчеству, понимаемого именно как стремление к совершенству, но уже в новое для себя время.

Полезно задуматься и о роли биографии Канта, его судьбы, т. е. всего того, что составляет основания построения интеллектуальной истории, того раздела современного

исторического знания, которое в наше время повсеместно становится в эпицентр, по сути, всякого проблемного для изучения круга. (Надо сказать, что это направление исторической науки активно развивается и в нашей стране.)

Применительно к знанию основ, на которые опирается фундаментальное культурологическое знание, созданное Виндельбандом, уместно напомнить, что, в частности, первой кафедрой, которую предложили Канту занять в Кенигсбергском университете, была кафедра теории поэзии. От нее, правда, он отказался. А самыми популярными его лекциями были лекции не о философии (видимо, все-таки до определенного времени), а о физической географии, хотя, как известно, Кант не выезжал за пределы своего родного города. (Знание этих штрихов биографии Канта можно почерпнуть и из книг Виндельбанда.)

О причастности Канта к теории поэзии особенно интересно читать, памятуя о книге Ле Корбюзье «Поэма прямого угла» [21] и о том, что созданный им для Всемирной выставки в Брюсселе в 1958 г. павильон фирмы “Philips” он называл «Электронной поэмой»... [14, с. 198–200]. Лекции о физической географии, умозрительно воспринимаемой Кантом из «пятна» конкретики городской культуры Кенигсберга как проекция из «плоскости» восприятия своего города в трехмерное мировое пространство, методологически вполне корректно смыкаются с современным интересом культурологии к урбанистическим проблемам города, городской жизни и городской культуры, что неразрывно сопрягается с теоретической проблематикой архитектуроведения, сосредоточенного на градоустроительных проблемах. (Создание московского издательства «Мысль» в 1963 г. на базе слияния издательств экономической и географической литературы весьма красноречиво встраивается в эту последовательность.)

Представляется уместным в сегодняшнем разговоре упомянуть и о ранних работах И. Канта, до 1770-х гг. (еще до «критического периода»). В одной из первых своих публикаций (едва ли не студенческих лет) с красноречиво говорящим (на мой взгляд) и в наше время названием «Мысли об истинной оценке живых сил» [12] Кант «вступает в дискуссию» со ставшими для него на долгие годы «собеседниками» Декартом и Лейбницем. Именно в этих «разговорах» родилось фундаментальное размышление Канта, о котором вспоминал Виндельбанд: «Дайте мне материю, и я построю из нее мир, т. е. дайте мне материю, и я покажу вам, как из нее должен возникнуть мир» [12, с. 126].

Строго говоря, в научном обиходе эта мысль бытует в сокращенной форме афоризма «Дайте мне материю, и я построю из нее мир...». В таком виде она нагляднее соседствует со своим первоисточником — словами Декарта: «Дайте мне материю и движение, и я построю мир» (выделено мною. — Ю. В.). Кант позволил себе интерпретацию концепции античного философа, как я понимаю, фиксируя внимание на том, что мы постоянно находимся в движении времени, и на авансцену погружения в проблему «построения мира» выходит разговор о наглядности того, как он (мир) может быть устроен, конструируя этот процесс, находясь **внутри** временного потока.

В 1770 г. И. Кант завершил суммирующую большой период осмысления им этой проблемы диссертацию «О форме и принципах чувственного и умопостигаемого мира» [12]. Совмещение «чувственного» и «умопостигаемого» здесь — по сути, изначальное толкование того, что в наше время уместнее интерпретировать как диалог художествен-

ного образа и интеллектуальной идеи, составляющий методологическое основание для полноценной реализации архитектурного мышления и деятельности.

Наверно, нелишне напомнить еще раз, что в этой статье разговор выходит за границы истории философии в предметную область знания об архитектуре, формирующего ее «жизнь и судьбу». Иными словами, я возвращаюсь к ранним работам И. Канта в границах **истории архитектуры** Новейшего времени.

И именно как одну из проблем архитектуроведения хотелось бы здесь понять слова философа С. Л. Франка, одного из первых переведивших В. Виндельбанда на русский язык, написанные им в предисловии к первому изданию перевода «Прелюдий» в конце 1903 г.: «Если мнения о **конструкции теории** познания у Виндельбанда и о его понимании учения Канта и могут расходиться, то **глубина** и богатство мыслей и **красота формы** „Прелюдий“ делает их бесспорно одним из важнейших основных пособий при ознакомлении с проблемой современного философского идеализма, который и у нас в последние годы образует идейную злобу дня» (выделено мною. — Ю. В.) [5, с. 5–6].

Т. Б. Длугач, выступая на Международном Кантовском конгрессе в Москве в мае 2004 г., приводит слова И. Канта: «Если я, например, превращаю эмпирически наглядное представление дома... в восприятие, то в основе лежит **необходимое единство** (выделено И. Кантом. — Ю. В.) пространства и внешнего чувственного наглядного представления вообще; я как бы рисую форму дома... сообразно этому единству многообразия в пространстве» [10, с. 105].

Архитектурная ткань, из которой выкраивалась в течение ста лет между датами этих двух публикаций, связанных именем И. Канта, супрематическая по своим устремлениям конструкция образа Дома в его «единстве многообразия в пространстве», неоднократно обрывалась историческими событиями, реализуемыми всякий раз в текущей повседневности... Необходимость реставрации ткани архитектурного профессионализма возвращает к истокам формирования современных представлений о стремлении к совершенству (Как ни вспомнить неоднократные высказывания Захи Хадид о значимости для ее творчества «духовной связи» с К. С. Малевичем [11].)

К. С. Малевич, будучи в равной мере художником и теоретиком своего искусства, творил супрематизм как искусство интеллектуальное. Отталкиваясь от кубизма, он сложил авторскую триаду осознанного отношения к художественному творчеству: видеть, знать, строить. При этом надо иметь в виду, что в начале десятых годов XX в. строительство воспринималось как синоним творчества, в частности, В. Я. Брюсовым [3]. Оно конкретизировало творческий процесс и переносило акцент с визионерского восприятия и поверхностного (т. е. в основном считываемого с фасада) стилеобразования на необходимость творчески ощущать и углубляться в устройство, организацию пространственной целостности. Наряду с этим в те же годы формируется тектология — всеобщая организационная наука или, по утверждению ее автора А. А. Богданова, «гуманитарная наука о строительстве» [2].

Объем статьи не дает возможности собрать здесь все многообразие знания, формирующегося в логике заявленной методологии, предложенной В. Виндельбандом. В ее границах «биография» становления интересующей нас целостной картины исторического знания о взаимоотношениях архитектуры, философии и математики в первые два

десятилетия XX в. полноценно раскрывается «в связи с общей культурой и отдельными науками» своего времени.

Зафиксируем только, что обобщают этот слой формирования закономерностей и методологии общего знания, адекватного супрематическому мировосприятию, как минимум две работы, в которых предьявлена объемно-пространственная конструкция стремления к совершенству. Б. П. Вышеславцев в «Этике Фихте» в 1914 г. сформулировал тезис о том, что «стремление к Абсолютному есть единство четырех сторон» [8]. А. С. Лаппо-Данилевский создавал методологию обретения исторического знания как теорию строения [13]. И надо сказать, что его теоретические конструкции воспринимаются вполне уместными в кругу современного понимания закономерностей философии истории в общемировой исторической науке [19].

Супрематизм, по утверждению Малевича, вырастает в «объемном времени нового архитектурного построения». В 1928 г. в письме в редакцию журнала «Современная архитектура» он писал: «Супрематизм возник в 1913 г. ... С 1918 г. начинается развитие объемного супрематизма, элементы которого возникли еще в 1915 году. ... Таким образом весь путь нового искусства во всех видах культуры вышел к современному искусству, которое есть архитектура» [15, с. 158].

Уникальность супрематического искусства восходит к ощущению его автора (основоположника) — К. С. Малевича, перерастающему у него в убежденность необходимости создать супрематический метод — метод целенаправленного приближения к совершенству, построив его как умозрительную проекцию из плоскости «начерченного на холсте» «четыреугольника» в пространство мироустройства.

Сближение понятий о «квадрате» и «четыреугольнике», восходящее к поискам Малевичем авторской конструкции супрематизма, осмысливаемое нами в логике формулы Вышеславцева — «стремления к абсолютному», в архитектуре обретает устойчивость объемного купола мироустройства. Его высота и определяет устремленность к совершенству.

К. С. Малевич фиксировал внимание на «всех видах культуры», совокупно прокладывающих путь к новой архитектуре. Наряду с интересом к возможностям беспредметной живописи он вникал в современные ему состояние науки и достижения технического развития. Его интересовала при этом не специфика каждой из научных либо технических дисциплин, а универсальность мироустройства, наиболее общие его (мироустройства) закономерности. Для Малевича было естественным понимание устройства города, Вселенной и человека как единой системы построения целостности [16]. Сближение миропонимания К. С. Малевича и подхода к обретению целостности в научном знании В. Виндельбанда выглядит достаточно убедительно. Уместно сослаться хотя бы на один, но, без сомнения, авторитетный опыт упоминания этих имен в контексте предьявления философии и науки в начале XX в., предпринятый А. П. Огурцовым [18]. Поиски образной интерпретации глубинных пластов гуманитарного и естественно-научного знания последовательно привели Малевича к осознанию методологических возможностей архитектурного мышления и деятельности, по его утверждению, как «чистой художественной формы». Искусство, объемля новые мироощущения в логике супрематического мышления и деятельности, восходит к пониманию роли пространственности

в построении современной жизни. Геометрически оформленные плоскости, как супрематические элементы, вступают во взаимодействие с пространством, организуют и индивидуализируют его. Стилистические закономерности отступают в «тень», пропуская на авансцену проблематику создания архитектурной формы.

Попытка осмыслить закономерности, создающие внутреннюю логику «жизни и судьбы» архитектуры, реализуемая по методологии «теории строения», а точнее — ее воссоздания в границах архитектоники Большого времени, по сути, воспринимается применительно к архитектуре как «эксперимент, поставленный на себе».

В этом контексте историю архитектуры Новейшего времени можно рассматривать как «автобиографию» архитектурного профессионализма на протяжении долгого времени — с начала XX в. и открытой верхней датой... И это приближает архитектуроведение к интеллектуальной истории Новейшего времени.

Литература

1. Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. Очерк истории: XVII — начало XX в. — М.: Соцэкгиз, 1963. — 320 с.
2. Бодданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. — М.: Экономика, 1989.
3. Брюсов В. Я. Медный всадник // Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 7. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 134–141.
4. Виндельбанд В. История новой философии. Т. 1–2. — СПб.: Типография В. Безобразова и Ко, 1902–1905.
5. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. — СПб.: Издание Д. Е. Жуковского, 1904. — 374 с.
6. Виндельбанд В. Платон. — СПб.: Редакция журнала «Образование», 1904. — 200 с.
7. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. — М.: Звено: Типография товарищества «Владимир Чичерин» в Москве, 1910. — 150 с.
8. Вышеславцев Б. П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. — М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1914. — 437 с.
9. Гильберт Д. Основания геометрии. — М.; Л.: ОГИЗ, Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1948. — 491 с.
10. Длугач Т. Б. Принцип конструирования и проблема предметной данности в философии Канта // Иммануил Кант: Наследие и проекты / Международный Кантовский конгресс в Москве; под ред. Н. В. Мотрошиловой. — М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 101–112.
11. Заха Хадид в Государственном Эрмитаже: Каталог выставки. — СПб.: Арка, 2015. — 206 с.
12. Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2: Докритические произведения. — М.: ЧОРО, 1994. — 429 с.
13. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. — М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. — 472 с.
14. Ле Корбюзье. Творческий путь. — М.: Стройиздат, 1970. — 248 с.
15. Малевич К. С. Письмо в редакцию журнала «Современная архитектура» // Современная архитектура. — 1928. — № 5. — С. 158–161.
16. Малевич К. С. Собрание сочинений: в 5 т. — М.: Гилея, 1995–2004.
17. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М. Пруст. «В поисках утраченного времени». — СПб.: Изд-во РХГИ, Журнал «Нева», 1997. — 473 с.
18. Огурцов А. П. Философия науки в XX веке: успехи и поражения (статья первая) // Философия науки. ИФ РАН. — 2000. — Вып. 6. — С. 188–213.
19. Рябова Л. К., Рябов А. А. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современная западная теория истории // Новейшая история России / Modern History of Russia. — 2014. — № 1. — С. 8–15.
20. Энциклопедия афоризмов. URL: <http://dic.academic.ru/dic> (Блог Евгения Берковича «О математике и фантазии», 12 августа 2014) (дата обращения: 12.01.2017).
21. Le Corbusier. Le Poeme de l'Angle Droit. — Paris: Éditions Tériade, 1955. — 151 p.

Название статьи. Супрематическая архитектура: стремление к совершенству. Возвращение к началу.

Сведения об авторе. Волчок Юрий Павлович — кандидат архитектуры, профессор. Московский архитектурный институт (Государственная академия), ул. Рождественка, д. 11/4, Москва, Российская Федерация, 107031. yvolchok@gmail.com

Аннотация. Уникальность супрематического искусства восходит к ощущению его автора (основоположника) — К. С. Малевича, перерастающему у него в убежденность необходимости создать супрематический метод — метод целенаправленного приближения к совершенству, построив его как умозрительную проекцию из плоскости «начерченного на холсте» в пространство мироустройства. В статье становление и конструкция супрематического подхода к творчеству, зафиксированного К. С. Малевичем в начале 1910-х гг., реконструируются на фоне мировосприятия своего времени, воспитанного на закономерностях, восходящих в первую очередь к философии И. Канта, культурологии В. Виндельбанда, теории истории А. С. Лаппо-Данилевского, тектологии А. А. Богданова, понятию «абсолютного» у Б. П. Вышеславцева.

В статье предпринята попытка осмыслить закономерности, создающие внутреннюю логику «жизни и судьбы» архитектуры, реализуемую по методологии «теории строения». Теория строения воссоздается в границах архитектоники Большого времени и воспринимается применительно к архитектуре как «эксперимент, поставленный на себе».

В этом контексте историю архитектуры Новейшего времени можно рассматривать как «автобиографию» архитектурного профессионализма на протяжении Большого времени — с начала XX в. и открытой верхней датой.

Ключевые слова: архитектоника; ценности; культура и цивилизация; культурология; супрематическая архитектура; теория истории; теория строения; художественный образ; интеллектуальная идея; стремление к совершенству; возведение в предел.

Title. Suprematic Architecture. Commitment to Excellence. Back to the Basics.

Author. Volchok, Yury Pavlovich — Ph. D., professor. Moscow Architectural Institute (The State Academy), Rozdestvenka ul., 11/4, 107031 Moscow, Russian Federation. yvolchok@gmail.com

Abstract. The unique character of suprematic art is rooted in the perception of its author, K. S. Malevich, whose views developed to become the belief that it is necessary to create a suprematic method — the way of targeted movement towards perfection, constructed as a mental projection from the surface “painted on a canvas” onto the space of the world order. The article covers the establishment and the construction of the suprematic approach to the creative process fixed by K. S. Malevich in the beginning of the 1920s, on the background of the world perception at that time, based on logic patterns derived, first of all, from I. Kant’s philosophy, W. Windelband’s culturology, the theory of history by A. S. Lappo-Danilevskiy, tectology by A. A. Bogdanov, and B. P. Vysheslavtsev’s notion of “absolute”.

The author attempts to comprehend the regularities accountable for interior logics of architecture’s “life and fate” implemented through “construction theory” methods. The construction theory is viewed in terms of Grand-Time architectonics and is perceived as applicable to architecture, as “an experiment on itself”.

In this context, the history of contemporary architecture may be regarded as the “autobiography” of architectonic expertise during the whole of Grand Time — starting from the beginning of the 20th century, with an open ending date.

Keywords: architectonics; values; culture and civilization; culturology; suprematic architecture; theory of history; theory of building; artistic image; intellectual idea; commitment to excellence; raising to the extreme.

References

- Althaus F.; Sutcliffe M. (eds.). *Zaha Hadid v Gosudarstvennom Ermitazhe: Katalog vystavki (Zaha Hadid in The State Hermitage Museum: Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg, Arka Publ., 2015. 206 p. (in Russian).
- Asmus V. F. *Problema intuitsii v filosofii i matematike. Ocherk istorii: 17 — nachalo 20 v. (The Problem of Intuition in Philosophy and Mathematics. The Study of History: the 17th — the Beginning of 20th Centuries)*. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ehkonomicheskoi literatury (Socehgiz) Publ., 1963. 320 p. (in Russian).
- Bogdanov A. A. *Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (Tectology. The General Organizational Science)*. Moscow, Ekonomika Publ., 1989 (in Russian).

Briusov V. Ya. The Bronze Horseman. Briusov V. Ya. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 7. (Collected works in 7 volumes, vol. 7)*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, pp. 134–141 (in Russian).

Dlugach T. B. The Principle of Construction and the Problem of Substantive Givenness in Kant's Philosophy. *Immanuel Kant: Nasledie i proekty (Mezhdunarodnyi Kantovskii kongress v Moskve) (Immanuel Kant: Legacy and Projects (The International Kant's Congress in Moscow))*. Moscow, KanonPlus, ROOI Reabilitatsiia Publ., 2007, pp. 101–112 (in Russian).

Entsiklopediia aforizmov (Encyclopedia of Aphorisms). Available at: <http://dic.academic.ru/dic> (accessed 12 August 2014).

Hilbert D. *Grundlagen der geometrie*. Leipzig, B. G. Teubner Publ., 1903. 206 p. (in German).

Kant I. *Sämtliche Werke, 6 vols*. Leipzig, F. Meiner Publ., 1920 (in German).

Lappo-Danilevskii A. S. *Metodologiia istorii (Methodology of History)*. Moscow, Territoriia budushchego Publ., 2006. 472 p. (in Russian).

Le Corbusier. *Le Poeme de l'Angle Droit*. Paris, Éditions Tériade Publ., 1955. 150 p. (in French).

Le Corbyuzè. *Tvorcheskii put' (Le Corbusier. Creative Development)*. Moscow, Stroiizdat Publ., 1970. 248 p. (in Russian).

Malevich K. S. A Letter to "Sovremennaia arhitektura" Editorial Board. *Sovremennaia arhitektura*, 1928, vol. 5, pp. 158–159 (in Russian).

Malevich K. S. *Sobranie sochinenii v piati tomakh (Collected works in 5 vols)*. Moscow, Gileia Publ., 1995–2004 (in Russian).

Mamardashvili M. K. *Psihologicheskaia topologiia puti. M. Prust. "V poiskah utrachennogo vremeni" (Psychological Topology of Way. M. Prust. "In Search of Lost Time")*. Saint Petersburg, Russian Christian Institute for Humanities; Zhurnal "Neva" Publ., 1997. 473 p. (in Russian).

Ogurtsov A. P. Philosophy of Science in the 20th Century: Successes and Failures (the First Article). *Filosofia nauki (Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk) (Philosophy of Science (Institute of Philosophy Russian Academy of Science))*, 2000, vol. 6, pp. 188–213 (in Russian).

Ryabova L. K.; Ryabov A. A. Methodology of History by A. S. Lappo-Danilevsky and Modern Western Theory of History. *Noveishaia istoriia Rossii (Modern History of Russia)*, 2014, no. 1, pp. 8–15 (in Russian).

Vysheslavtsev B. P. *Etika Fikhte. Osnovy prava i npravstvennosti v sisteme transtsedental'noi filosofii (Fichte's Ethics. The Basis of Law and Morality in the Transcendental Philosophy System)*. Moscow, Pechatnia A. I. Snegirevoi Publ., 1914. 437 p. (in Russian).

Windelband W. *Die Geschichte der neueren Philosophie in ihrem Zusammenhange mit der allgemeinen Cultur und den besonderen Wissenschaften dargestellt, 2 vols*. Leipzig, Breitkopf und Härtel Publ., 1878–1880 (in German).

Windelband W. *Präludien. Aufsätze und Reden zur Einleitung in die Philosophie*. Tübingen, Mohr Publ., 1884. 325 p. (in German).

Windelband W. *Platon*. Stuttgart, Frommanns Publ., 1900. 190 p. (in German).

Windelband W. *Die Philosophie im deutschen Geistesleben des XIX. Jahrhunderts: fünf Vorlesungen*. Tübingen, Mohr Publ., 1909. 120 p. (in German).